

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

к н и г и

ПЬЕРА ЛЕМЕТРА

Тщательная работа

Алекс

Жертвоприношения

Свадебное платье жениха

Темные кадры

До свидания там, наверху

Горизонт в огне

Пьер Леметр

ГОРИЗОНТ
В ОГНЕ

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Л 44

Pierre Lemaitre
COULEURS DE L'INCENDIE
Copyright © Editions Albin Michel — Paris 2018

Перевод с французского Валентины Чепига

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

В оформлении обложки использован фрагмент
картины Константина Коровина

ISBN 978-5-389-15620-3

© В. П. Чепига, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Паскалине,
Микаэлю с любовью*

1927-1929

В целом людей нет ни хороших, ни плохих,
ни честных,
Нет ни плутов, ни овец, ни волков,
а есть только люди наказанные и безнаказанные.

Якоб Вассерман

Церемония прощания с Марселем Перикуром была прервана и даже завершилась полным беспорядком, но, по крайней мере, началась она вовремя. С самого утра бульвар Курсель перекрыли. Во дворе собрались музыканты республиканской гвардии, раздавались приглушенные звуки настраиваемых инструментов, а из автомобилей высаживались на тротуар и сдержанно приветствовали друг друга послы, парламентарии, генералы, делегаты от иностранных государств. Следуя деликатным указаниям распорядителя, в обязанности которого входило управление потоками в этой толпе в ожидании выноса тела, академики проходили под устроенный над широким крыльцом черный навес с серебряной бахромой и вензелем усопшего. Было много известных лиц. Похороны такого значения — это как вельможная свадьба или показ коллекции Люсьена Лелонга¹, где следует появиться, если занимаешь определенное положение в обществе.

Хотя Мадлен потрясла смерть отца, она, энергичная и сдержанная, успевала повсюду и незаметно раздавала инструкции, принимая во внимание малейшие детали. Тем более что президент Республики дал знать, что прибудет лично, чтобы проводить в последний путь «своего друга Перикура». С этого момента

¹ Люсьен Лелонг (1889–1958) — французский кутюрье и промышленник. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных, примеч. перев.)

все усложнилось: протокол Республики был по-королевски требовательным. Дом Перикуров, заполненный сотрудниками службы безопасности и специалистами по этикету, теперь не знал ни минуты покоя. Не говоря уже о толпе министров, секретарей, помощников, советников. Глава государства был чем-то вроде рыбацкого баркаса, за которым постоянно следовали стаи птиц, кормящихся в его кильватере.

В намеченное время Мадлен стояла на крыльце, скрестив на груди руки, затянутые в черные перчатки.

Машина прибыла, толпа стихла, президент вышел, поприветствовал присутствующих, поднялся по ступенькам и на мгновение обнял Мадлен, без слов — великие скорби слов неймут. Затем деликатно и обреченно махнул рукой, и толпа расступилась, чтобы пропустить его к гробу.

Присутствие президента являлось не просто свидетельством дружбы с покойным банкиром, оно было символично. Обстоятельства и правда были исключительными. С Марселем Перикуром «угас факел французской экономики», о чем свидетельствовали заголовки на первых полосах газет, где еще держали марку. «Он всего на семь лет пережил своего сына Эдуара, который покончил с собой...» — комментировали другие. Не важно. Марсель Перикур был центральной фигурой финансовой жизни страны, все смутно ощущали, что его смерть означает смену эпох, и это было тем более тревожно, что перспективы тридцатых годов были скорее сумрачными. Последовавший за Великой войной экономический кризис так и не закончился. Французские политические круги клялись, положив руку на сердце, что поверженная Германия до последнего сантима заплатит за все, что разрушила, делом слов не подтвердили. Страна, которой было предложено подождать, пока не выстроят новые дома, не отремонтируют дороги, не выплатят компенсацию инвалидам, не переведут пенсии, не создадут рабочие места, короче говоря, пока не станет как преж-

де и даже лучше, потому что мы победили в войне, — так вот, страна смирилась: чуда не произойдет, Франции придется выпутываться самостоятельно.

Марсель Перикур представлял как раз ту Францию, что когда-то брала экономику под свое крыло. Сложно было однозначно сказать, кого повезут на кладбище — влиятельного французского банкира или ушедшую эпоху, которую он воплощал.

Стоя возле гроба, Мадлен всматривалась в лицо отца. Последние несколько месяцев старение стало его основным занятием. «Я должен постоянно за собой следить, — говорил он, — я боюсь, что от меня будет нести старостью, боюсь начать забывать слова, мне страшно стать обузой, понять, что я говорю сам с собой. Я слежу за собой — это занимает все мое свободное время; как же утомительно стареть...»

На плечиках в шкафу она обнаружила его самый новый костюм, выглаженную рубашку, прекрасно начищенные туфли. Все было подготовлено.

Тремя днями ранее господин Перикур поужинал с ней и своим внуком Полем, семилетним симпатичным, бледным, застенчивым и заикающимся мальчиком. Но против обыкновения, он не поинтересовался его успехами, не спросил, как прошел день, не предложил доиграть партию в шашки. Он пребывал в спокойной, почти мечтательной задумчивости, что не входило в его привычки, и едва притронулся к своей тарелке, ограничившись улыбкой, чтобы продемонстрировать, что он существует. И поскольку трапеза показалась ему слишком долгой, он сложил салфетку, пойду наверх, сказал он, заканчивайте без меня, на мгновение прижал к своей груди голову Поля, ну все, сладких снов. К лестнице он подошел упругим шагом, хотя частенько жаловался на боль в ногах. Обычно он покидал столовую со словами «ведите себя хорошо». В тот вечер он забыл это сказать. Назавтра он умер.

Пока во дворе особняка разворачивался катафалк, который тянули две лошади в пополах, церемониймейстер собирал близких, родственников и следил, чтобы все размещались согласно протоколу. Мадлен и президент Республики стояли рядом, не сводя взгляда с дубового гроба, на котором сиял большой серебряный крест.

Мадлен вздрогнула. Правильный ли выбор она сделала несколькими месяцами ранее?

Она была не замужем. Вернее, в разводе, но в те времена это было одно и то же. После громкого судебного процесса ее бывший муж Анри д'Олиэ-Прадель гнил в тюрьме. И это положение женщины без мужчины стало заботой ее отца, который думал о будущем. «В этом возрасте снова выходят замуж! — говорил он. — Не женское это дело — банк, у которого есть вклады во многих фирмах». Впрочем, Мадлен была согласна, но при одном условии — муж еще куда ни шло, но не мужчина, я сыта по горло Анри, спасибо, брак — пожалуйста, но в остальном на меня не рассчитывайте. Хотя она часто и утверждала обратное, на этот свой первый союз она возлагала большие надежды, а он оказался катастрофой, так что теперь было ясно — жить под одной крышей возможно, но не более того, к тому же у нее больше не было никакого намерения заводить еще детей, для ее счастья было вполне достаточно Поля. То, что Марселю Перикуру жить осталось недолго, стало всем понятно прошлой осенью. Казалось благоразумным принять некоторые меры, потому что до того, как его заикающийся внук Поль встанет у руля семейного предприятия, пройдут еще годы и годы. Тем более что представить себе эту преемственность было довольно тяжело, поскольку слова давались маленькому Полю с трудом, чаще всего он бросал попытки выразить что-либо — слишком уж сложно, так что какой из него руководитель...

Тут-то и появился Гюстав Жубер, доверенное лицо «Банка Перикуров», бездетный вдовец, — идеальная партия для Мадлен. Пятидесяти лет, экономный, серьезный, организованный, сдержанный, заранее все просчитывающий; за ним знали только одну страсть — к механике: к автомобилям — он питал отвращение к Бенуа и обожал Шаравеля¹ — и к самолетам — он ненавидел Блерио, но боготворил Дора².

Перикур всеми силами ратовал за это решение. И Мадлен согласилась, но:

«Гюстав, будем откровенны, — предупредила она. — Вы мужчина, я не буду препятствовать тому, чтобы вы... Ну, вы понимаете, что я хочу сказать. Но при условии, что все будет незаметно: я отказываюсь стать посмешищем во второй раз».

Жубер легко согласился с этим требованием, тем более что Мадлен имела в виду потребности, которые он испытывал редко.

Но вдруг спустя несколько недель она заявила отцу и Гюставу, что в конечном счете свадьба не состоится.

Новость прозвучала как гром среди ясного неба. Недостаточно сказать, что Перикур рассердился на дочь, чьи аргументы были нелогичны: ей было тридцать шесть лет, а Жуберу пятьдесят один, как будто она только что об этом узнала! К тому же разве, наоборот, не лучше выйти замуж за мужчину зрелого и рассудительного? Так нет же, решительно нет, Мадлен «не могла привыкнуть к мысли» об этом браке.

Значит, нет.

И она прекратила дискуссию.

Прежде Перикура не удовлетворил бы подобный ответ, но он уже слишком устал. Он приводил дово-

¹ Робер Бенуа и Луи Шаравель — французские автогонщики начала XX в.

² Луи Блерио и Дидье Дора — пионеры французской авиации.

ды, настаивал, потом сдался; именно по тому, как он отказался от дальнейшей борьбы, стало понятно, что он уже не тот, что прежде.

Сегодня Мадлен с беспокойством спрашивала себя, правильное ли решение она приняла.

Когда президент выходил из помещения, где находился гроб, все замерли.

Во дворе приглашенные начали считать минуты: они пришли, чтобы показать себя, и не собирались провести здесь целый день. Самым сложным было не избежать холода — это было невозможно, — а найти способ скрыть свое желание побыстрее с этим покончить. Ничего не помогало, даже несмотря на теплую одежду, мерзли уши, руки и нос, присутствующие незаметно притопывали и начинали уже проклинать мертвеца, которого всё не выносили. Собравшиеся с нетерпением ждали, когда же наконец кортеж тронется с места, — по крайней мере, тогда начнется движение.

Кто-то сказал, что сейчас наконец вынесут гроб.

Священник в черном с серебром облачении вывел во двор одетых в длинные подрясники фиолетового цвета и белые стихари детей из церковного хора.

Распорядитель украдкой посмотрел на часы, медленно поднялся на крыльцо, чтобы получить общее представление, и поискал глазами тех, кому предстоит через несколько минут возглавить шествие.

Там были все, кроме внука усопшего.

Хотя было предусмотрено, что маленький Поль вместе с матерью пойдет чуть впереди остальных, — зрелище ребенка, идущего за катафалком, всегда радует глаз. К тому же этот круглолицый ребенок с синевой под глазами казался таким слабым. А это вносило в происходящее какую-то особенно трогательную ноту.

Леонс, компаньонка Мадлен, подошла к Андре Делькуру, воспитателю Поля, который лихорадочно

что-то записывал в небольшую книжечку, и осведомилась у него, где же находится его юный ученик. Тот оскорбленно посмотрел на нее:

— Но Леонс!.. Вы же видите, я занят!

Эти двое никогда друг другу не нравились. Соперничество прислуги.

— Андре, — ответила она, — когда-нибудь вы станете великим журналистом, я в этом не сомневаюсь, но пока вы всего лишь воспитатель. Так что сходите за Полем.

Андре в ярости хлопнул блокнотом по ляжке, раздраженно засунул карандаш в карман и, постоянно извиняясь и улыбаясь собравшимся, пробился к выходу.

Мадлен проводила президента, машина которого затем пересекла двор, толпа расступилась, чтобы пропустить ее, как будто она несла саму смерть.

Под барабанную дробь республиканской гвардии гроб Марсея Перикюра наконец показался в вестибюле. Двери широко распахнулись.

В отсутствие дяди Шарля, которого нигде не нашли, Мадлен вслед за телом отца спустилась по ступенькам. Ее поддерживал Гюстав Жубер. Леонс взглядом поискала рядом с матерью маленького Поля, но его не было. Андре, который уже вернулся, беспомощно развел руками.

Представители Центральной инженерной школы вынесли гроб и поставили его в открытый катафалк. Там же разместили венки и букеты. Вперед вышел судебный исполнитель с подушечкой, на которой лежал Большой крест ордена Почетного легиона.

Посреди двора в толпе офицеров неожиданно началось волнение. Она странно поредела и, казалось, почти рассеялась.

Гроб и катафалк уже не привлекали всеобщего внимания.

Все взгляды обратились к зданию. Толпа приглушенно охнула.

Мадлен тоже подняла глаза, и рот у нее приоткрылся от изумления — наверху, на подоконнике третьего этажа, широко раскинув руки, стоял семилетний маленький Поль. Над пустотой.

Он был в подобающем случаю черном костюме, но без галстука и в расстегнутой на груди белой рубашке.

Все смотрели вверх, как будто присутствовали при запуске аэростата.

Поль чуть согнул ноги в коленях.

Никто не успел ни окликнуть его, ни подбежать, он отпустил створки окна и под вопль Мадлен бросился вниз.

Тело ребенка мотало во все стороны, как подбитую птицу. Под конец быстрого и беспорядочного падения он исчез на короткое мгновение в черном навесе.

Раздался вздох облегчения.

Однако натянутая ткань подбросила его, и он вновь появился как черт из табакерки.

Все увидели, как он поднялся в воздух и перелетел через полог.

А затем рухнул на гроб своего деда.

От раздавшегося во внезапно наступившей тишине глухого удара его головы о дубовую крышку у всех присутствующих во дворе сжалось сердце.

Все словно окаменели, время остановилось.

Когда к нему бросились, Поль лежал на спине.

Из его ушей сочилась кровь.

Распорядитель церемонии растерялся. А ведь он на похоронах собаку съел, у него за плечами были погребения бесчисленного количества академиков, четырех иностранных дипломатов, он даже похоронил трех президентов — действующих или в отставке. Он славился хладнокровием, слыл мастером своего дела, но этот малыш, который только что разбился, упав с третьего этажа на гроб деда, не вписывался в обычные рамки. Что делать? Он был сам не свой: потерянный взгляд, безвольно повисшие руки. Надо признать, случившееся совершенно выбило его из колеи. Впрочем, несколько недель спустя он умер, почти повторив судьбу Вателя¹, только на ниве ритуальных услуг.

Первым опомнился профессор Фурнье.

Он взобрался на катафалк, грубо разбросал венки, которые упали на брусчатку, и, не двигая тела мальчика, приступил к быстрому врачебному осмотру.

Он повел себя достойно, потому что в толпе уже спохватились и начали дьявольски шуметь. Эти разодетые люди превратились в дрожащих от нетерпения зевак, присутствующих при несчастном случае, — повсюду раздавались охи и ахи, а вы видели? Это ж надо, сын Перикюра! Нет, не может быть, он

¹ *Франсуа Ватель* (1631–1671) — французский метрдотель на службе у Николя Фуке, а затем у принца Конде, известный в том числе тем, что покончил с собой на празднике в честь короля Людовика XIV из-за опасения, что к столу принца не поспеет свежая рыба.

умер в Вердене! Не тот, другой, младший! Как это — прямо выпрыгнул в окно? Оступился? А я думаю, что его толкнули... Ох, это уже чересчур! Нет, посмотрите же, окно еще открыто. Ах и правда, черт-те что, Мишель, веди себя прилично, прошу тебя! Каждый пересказывал увиденное другим, которые были свидетелями того же самого.

Вцепившись в борт катафалка, так что ее ногти вонзались в древесину, словно когти, Мадлен рыдала как сумасшедшая. Леонс, тоже вся в слезах, пыталась удержать ее за плечи. Никто поверить не мог — чтобы ребенок вот так выпал из окна третьего этажа, разве такое может быть. Но достаточно было взглянуть на разбросанные венки, чтобы, несмотря на толпу, заметить тело Поля, лежащее на дубовой крышке, будто надгробие в виде распростертой фигуры, над которой склонился профессор Фурнье. Он пытался нащупать пульс и уловить дыхание. Доктор распрямился, весь в крови, которой были забрызганы его смокинг и манишка, но он, ничего не замечая, взял ребенка на руки и встал во весь рост. Какому-то счастливику-фотографу удалось сделать снимок, который облетел всю страну, — стоя на катафалке рядом с гробом Марсея Перикура, профессор Фурнье держит на руках ребенка, из ушей которого сочится кровь.

Ему помогли спуститься.

Толпа расступилась.

Прижав маленького Поля к груди, он пробежал сквозь ряды, за ним бросилась перепуганная Мадлен.

При ее приближении комментарии стихали, и это неожиданное молчание было еще более мрачным, чем похороны. У господина де Флоранжа на время одолжили его автомобиль «сизер-бервик»; вцепившись в дверцу, его супруга заламывала руки, потому что опасалась, что на сиденьях останется кровь.

Фурнье и Мадлен сели сзади, положив вялое, как мешок, тело ребенка себе на колени. Мадлен умоляюще посмотрела на Леонс и Андре. Леонс ни секунды не колебалась, а Андре мгновение помедлил. Он повернулся в сторону двора, обвел быстрым взглядом катафалк с венками, гроб, лошадей, военную форму и костюмы... Потом опустил голову и сел в машину. Хлопнули дверцы.

Автомобиль понесся к больнице Питье-Сальпетриер.

Все оцепенели. Мальчиков из церковного хора лишили их важной роли в мероприятии, священник, по всей видимости, до сих пор не мог в это поверить, а республиканская гвардия не торопилась заводить запланированный похоронный мотив.

Дело было в крови.

Потому что похороны — это очень мило, но обычно это всего лишь закрытый гроб, а вот кровь — это вещь физическая, это пугает, это напоминает о боли, которая хуже, чем сама смерть. А кровь Поля была на мостовой и даже на тротуаре, капли крови образовали дорожку, как на скотном дворе. При одном взгляде на нее перед глазами вставал мальчуган с болтающимися руками, вас пробирало до костей; и как после такого спокойно присутствовать на похоронах, если только они не ваши...

Прислуга, полагая, что поступает правильно, набросала опилок, и, конечно, все начали кашлять, отводить взгляд.

Потом додумались, что негоже везти на кладбище гроб мужчины с потеками крови юного дитяти. Стали искать черное сукно, но не нашли. Кто-то из слуг поднялся на катафалк с ведром крутого кипятка и попытался губкой оттереть серебряное распятие.

Тогда Гюстав Жубер, человек решительный, приказал снять большой синий занавес в библиотеке

Перикура. Ткань была тяжелой, плотной, ее повесили по наказу Мадлен, чтобы отец мог отдохнуть днем, когда солнце заливало фасад здания.

Стоящие внизу увидели, как к окну, из которого за несколько минут до этого выкинулся ребенок, подставили стремянку и по ней забрались какие-то люди.

Наконец свернутый в спешке кусок материи спустили и почтительно накрыли им гроб. Но это все же была просто большая занавеска, так что складывалось впечатление, что человека хоронят в домашнем халате. К тому же с ткани не удалось снять три медных кольца, которые при малейшем движении упрямо принимались звенеть, стучаясь о стенку гроба...

Всем не терпелось, чтобы похороны вернулись в обычное официальное, то есть всем понятное, русло.

Во время переезда лежащий на коленях у рыдающей матери Поль не шелохнулся. Пульс у него был очень медленным. Водитель постоянно сигналил, пассажиры подпрыгивали, как в фургоне для перевозки скота. Леонс крепко держала Мадлен за руку. Фурнье обвязал голову ребенка своим белым шарфом, чтобы остановить кровь, но та не переставала течь и уже капала на пол.

Андре Делькур, неудачно севший напротив Мадлен, по мере возможности старался отвести взгляд, на душе у него было мутно.

Мадлен познакомилась с ним в религиозном учебном заведении, куда предполагала отдать Поля, когда тот подрастет. Делькур был высоким и худощавым молодым человеком, с волнистыми волосами по тогдашней моде и довольно сумрачным взглядом карих глаз, зато губы у него были сочные и выразительные. Он служил репетитором французского языка, говорили, что он чудесно изъясняется на латыни и даже дает уроки рисования, если нужно. Он мог не-

устанно говорить об итальянском Возрождении, которое было его страстью. Полагая себя поэтом, он придавал своему взгляду лихорадочный блеск, принимал одухотворенные позы, вдруг неожиданно отворачивался: это, по его мнению, указывало на то, что его посетила какая-то блестящая мысль. Он никогда не расставался с блокнотом, который вытаскивал при любом случае, что-то торопливо писал, отвернувшись, и вступал в общую беседу с видом человека, возвращающегося к жизни после мучительной болезни.

Мадлен сразу понравились его впалые щеки, длинные пальцы и некоторая пылкость, позволяющая предвидеть яркие моменты. Она, более не желающая мужчин, нашла в нем неожиданный шарм. Она попробовала, Андре ее не разочаровал.

Еще как не разочаровал.

В его объятиях Мадлен оживила не самые худшие свои воспоминания. Она почувствовала себя желанной, он был очень нежен, даже несмотря на то, что подолгу медлил с переходом к делу, потому что всегда отводил много времени на то, чтобы поделиться впечатлениями или какой-нибудь точкой зрения, прокомментировать свои мысли. Он был разговорчив — оставшись в одних трусах, продолжал читать стихи, но в постели, когда умолкал, был хорош. Читатели, знающие Мадлен, помнят, что она никогда не была особенно хорошенькой. Не уродливая, скорее самая обыкновенная — таких взглядом не провозжают. Она вышла замуж за очень красивого мужчину, который ее никогда не любил, поэтому с Андре она открыла для себя счастье быть желанной. И грани сексуальности, в которых никогда не представляла себя. Будучи старше, она считала себя обязанной сделать первый шаг, показать, объяснить на практике, одним словом, посвятить и просветить. Разумеется, это оказалось

ни к чему — Андре, хоть и был проклятым поэтом¹, посетил немало домов терпимости, принял участие в нескольких оргиях, где доказал широту своих взглядов и безусловные способности к самосовершенствованию. Но он был вдобавок практичным молодым человеком. Поняв, что Мадлен упивается ролью наставницы, хотя и не совсем компетентна, он воспользовался своим положением с удовольствием, которое было тем более искренним, что он имел некоторую склонность к пассивности.

Их связь осложнялась тем, что Андре жил при учебном заведении, визиты посторонних там были запрещены. Сначала они пользовались гостиничным номером, куда Мадлен приходила украдкой и откуда возвращалась, пряча глаза, как какая-нибудь водевильная воровка. Она давала Андре деньги, чтобы тот платил портье, и прибегала к разнообразным уловкам, чтобы у него не сложилось впечатления, что она покупает его, дарит себе мужчину. Она оставляла банкноты на камине, и это напоминало бордель. Незаметно совала в карман его пиджака, но он находил их у стойки портье только после того, как перетряхивал все; прощай, тайна. Короче, следовало подыскать другое решение, и как можно быстрее, потому что Мадлен не просто завела себе любовника — она влюбилась. Андре представлял собой почти полную противоположность ее предыдущему мужу. Образованный, внимательный, пассивный, но крепкий, свободный, незаурядный, Андре Делькур имел на самом деле лишь один недостаток — он был беден. Не то чтобы это имело значение для Мадлен, она была богата за двоих, но ей следовало сохранять свое положение в обществе, у нее был отец, который неодобрительно от-

¹ *Проклятые поэты* — непризнанные или отверженные поэты, не желающие жить в мире буржуазном и добропорядочном. Название происходит из цикла статей Поля Верлена.

несся бы к зятю на десять лет моложе дочери и совершенно неспособному войти в дело. Сочетаться браком с Андре было немыслимо, и Мадлен нашла практическое решение — сделать Андре домашним учителем Поля. Тогда ребенок получит персональные занятия, особые отношения с учителем, и, самое главное, у него отпадет необходимость посещать закрытую школу — слухи о том, что там происходит, ее ужасно пугали, в этой области у духовенства была уже солидная репутация.

В общем, Мадлен неустанно находила достоинства в своем решении.

Так Андре поселился в верхнем этаже особняка семьи Перикур.

Маленькому Полю эта идея очень понравилась, потому что он уже представлял, что у него появился товарищ по играм. Ему пришлось разочароваться. Хотя в первые несколько недель все было хорошо, Поль выказывал все меньше и меньше энтузиазма. Мадлен уговаривала себя, что никто не любит латынь, французский, историю и географию, все дети таковы, к тому же Андре очень серьезно относился к своей работе. Постепенный спад интереса Поля к частным урокам не ослабил энтузиазма Мадлен, которая находила в своей затее довольно много положительного — для нее надо было лишь незаметно подняться на два этажа или иногда спуститься — для Андре. Так что очень скоро в доме Перикуров эта связь перестала быть тайной. Слуги развлекались, корча слащавые гримасы и имитируя шаги хозяйки, крадучись поднимающейся по черной лестнице. Когда они изображали спускающегося Андре, то пошатывались от усталости, и в кухне не умолкал смех.

Для Андре, который мечтал о карьере литератора, воображал, как станет журналистом, опубликует первую книгу, потом вторую, получит крупную литературную премию, положение любовника Мадлен Пе-

рикур представляло бесспорный козырь, однако это жилище наверху, прямо под комнатами прислуги, казалось ему невыносимым унижением. Он замечал, как прыскают со смеху горничные, как снисходительно улыбается шофер. В каком-то смысле он был таким же, как они. В его обязанности входил секс, но он все же был обязанностью. То, что было бы престижно для светского танцора, для поэта было унижительно.

Так что следовало как можно скорее покончить с этим позорным положением.

Вот почему в тот день он чувствовал себя таким несчастным — похороны Перикюра должны были стать для него значительным событием, потому что Мадлен пригласила Жюля Гийото, главного редактора газеты «Суар де Пари», и собиралась попросить его заказать Андре заметку о похоронах отца.

Представьте себе — большая статья на первой полосе! В самой продаваемой парижской газете!

Андре вот уже три дня жил этими похоронами, он несколько раз прошел пешком по пути следования катафалка. Он даже заранее написал об этом целые абзацы: «Отягчающие похоронную колесницу бесчисленные венки придают ей величественный вид, наводящий на мысль об уверенных и могущественных поступках, признаваемых за этим гигантом французской экономики. Одиннадцать утра. Похоронный кортеж вот-вот тронется с места. В первой машине, раскачивающейся под тяжестью знаков почтения, можно различить...»

Вот ведь повезло! Если бы статья удалась, возможно, его бы приняли в газету... Ах, достойно зарабатывать себе на жизнь, освободиться от оскорбительных обязанностей, которыми он связан... Более того — добиться успеха, стать богатым и знаменитым.

А этот несчастный случай все разрушил, отбросил его на исходную позицию.

Андре упорно смотрел в окно, чтобы не видеть закрытые глаза Поля, залитое слезами лицо Мадлен и Леонс, суровую и напряженную. И все увеличивающуюся лужу под ногами. Сердце его разрывалось от сочувствия к мертвому ребенку (или почти мертвому, потому что жизнь оставила тело и под пропитавшимся кровью шарфом дыхание уже не различалось). Но поскольку он думал и о себе, обо всем том, что только что исчезло, о своих надеждах и ожиданиях, об этой упущенной возможности, то вдруг расплакался.

Мадлен взяла его за руку.

В итоге оказалось, что на похоронах остался лишь один член семьи — Шарль Перикур, брат усопшего. Его наконец обнаружили около крыльца в окружении «гарема», как он называл свою жену и двух дочерей, его нельзя было назвать утонченным человеком. Он полагал, что его жена Ортанс недостаточно любит мужчин, чтобы рожать сыновей. У Шарля было две засидевшиеся в девушках дочери — с тощими ногами, узловатыми коленями и прыщавыми лицами. Они постоянно хихикали, отчего им приходилось прикрывать ладонью ужасные зубы, приводившие в отчаяние их родителей. Как будто при их рождении обескураженный бог бросил каждой в рот горсть зубов. Врачи пребывали в растерянности — следовало либо все вырвать и сделать им вставную челюсть, либо они обречены всю жизнь жить, прикрываясь веером. Потребовалось бы немало денег на стоматологическую клинику или на приданое, которое заменило бы им красоту. Этот вопрос преследовал Шарля как проклятие.

Выпирающий живот, потому что половину своей жизни он проводил за столом, зачесанные назад давным-давно поседевшие волосы, грубые черты лица и выдающийся нос (признак целеустремленных лю-

дей, как он сам подчеркивал), пышные усы — вот портрет Шарля. Добавьте к этому, что он уже два дня оплакивал кончину старшего брата, поэтому лицо у него покраснело, а глаза опухли.

Увидев, что он выходит из туалета, жена и дочери сразу бросились к нему, но в смятении ни одной из них не удалось ясно описать ему ситуацию.

— А? Что? — говорил он, вертясь во все стороны. — Как это прыгнул? Кто прыгнул?

Гюстав Жубер уверенно и твердо потеснил людей — пойдите, Шарль, — взял его под руку и повел через двор, дав понять, что теперь он представляет семью, что налагает на него определенную ответственность.

Шарль потерянно озирался, безуспешно пытаясь понять ситуацию, изменившуюся за время его отсутствия. Возбуждение толпы не соответствовало похоронному настроению, его дочери визжали, закрывая рот растопыренными пальцами, жена икала от рыданий. Жубер придерживал его под локоть — в отсутствие Мадлен похоронную процессию следует возглавить вам, Шарль...

А Шарль пребывал не просто в растерянности, он к тому же испытывал муки совести. Утрата брата причиняла ему огромную боль, но она произошла в нужный момент — теперь разрешатся его крупные материальные затруднения.

Как вы уже поняли, большим умом он не обладал, но был известным хитрецом, что в определенных случаях позволяло ему найти в своих закромах неожиданную уловку и также позволяло его брату Марселю вовремя вытащить его из беды.

Промокая глаза платком, он встал на цыпочки и, пока катафалк покрывали синим занавесом, заново раскладывали венки, мальчишки-хористы вновь занимали свои места, а музыканты, чтобы сгладить общее замешательство, заиграли медленный марш,

Шарль освободился из цепких рук Жубера и подбежал к мужчине, которого неожиданно взял под локоть. Так, вопреки протоколу, Адриен Флокар, второй советник министра градостроительных работ, оказался во главе процессии вместе с братом усопшего, его женой Ортанс и дочерьми Жасинтой и Розой.

Шарль был на тринадцать лет моложе Марселя, и этим все сказано. До брата ему всегда недоставало какой-нибудь малости. Он был младшим, не такой умный, не такой усидчивый, а поэтому не такой богатый, в 1906 году он стал депутатом благодаря деньгам старшего брата. «Потому что избратся стоит кучу денег, — комментировал он с обескураживающей наивностью. — Ужас сколько надо дать избирателям, журналистам, коллегам, конкурентам...»

«Если ты в это ввязываешься, — предупреждал его Марсель, — то проиграть не имеешь права. Не хочу, чтобы Перикюра обошел какой-нибудь мутный радикал-социалист!»

Выборы прошли хорошо. Должность сразу давала ему многочисленные преимущества, Республика была девочкой послушной, неприжимистой и даже щедрой в отношении таких пройдох, как он.

Многие депутаты думали о своих избирательных округах, а Шарль — только о своем переизбрании. Благодаря талантливому и щедро оплаченному специалисту по генеалогии он явил миру древние и очень смутные корни в департаменте Сена и Уаза, которые представил как столетние, и всерьез заявлял, что происходит оттуда. У него категорически отсутствовали достоинства политика, миссия его заключалась исключительно в том, чтобы нравиться избирателям. Следуя скорее интуиции, нежели разуму, он в качестве поля деятельности избрал область более чем популярную, способную объединить не только его соратников, удовлетворить и богатых, и бедных, и консерваторов, и либералов, — борьбу с налогами.

Леметр П.

Л 44 Горизонт в огне : роман / Пьер Леметр ; пер. с фр. В. Чепиги. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 480 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-15620-3

«Горизонт в огне», новый роман Пьера Леметра, продолжение его знаменитого «До свидания там, наверху», романа, увенчанного в 2013 году Гонкуровской премией. Мадлен Перикур после кончины отца предстоит возглавить выстроенную им финансовую империю. Мало кто верит в то, что молодой женщине под силу занять столь высокий пост. К тому же ее единственный сын Поль в результате трагической случайности прикован к инвалидному креслу, что немало осложняет ситуацию. Мадлен оказывается на грани разорения, столкнувшись с глухим сопротивлением окружения, где процветает коррупция. Выжить среди акул крупного бизнеса и восстановить свою жизнь тем более сложно, что в Европе уже занимается пожар, который разрушит старый мир.

Впервые на русском!

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ПЬЕР ЛЕМЕТР

ГОРИЗОНТ В ОГНЕ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Мария Брусовани
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Маргарита Ахметова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.08.2019.
Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3500 экз. Усл. печ. л. 23,4. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ABA-24004-01-R